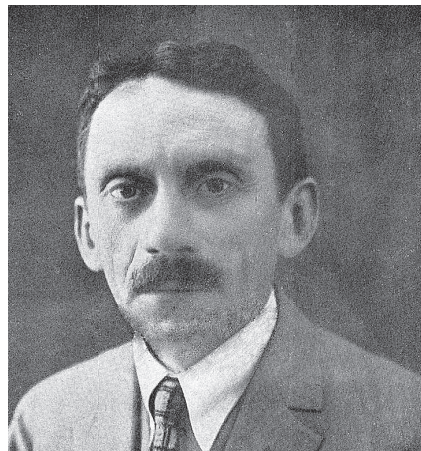

Мое путешествие по России¹

ХЕРШ
НОМБЕРГ

Херш Довид Номберг родился в городе Мщонуве, недалеко от Варшавы. Вырос в состоятельной хасидской семье, получил традиционное религиозное образование, самостоятельно выучив русский, польский и немецкий языки. В 1897 году Номберг, оставив жену с маленьким сыном в родном городе, переехал в Варшаву – центр культурной жизни польского еврейства. Там он увлекся писательством и присоединился к литературному кружку Иццока Лейбуша Переца, одного из классиков литературы на идиш.

В начале своей писательской карьеры Номберг писал на иврите (его первый сборник вышел в 1905 году), но под влиянием Переца, авторитет которого в литературных кругах Варшавы того времени был очень высок, начал писать на идиш. В 1905–1907 годах Номберг много путешествовал, некоторое время жил в Риге и Вильно, где работал в различных газетах и журналах, выходивших на идиш. После возвращения в Варшаву в 1908-м он выпустил несколько сборников рассказов с вариациями одного и того же сюжета о «лишних людях», склонных к бесконечному самоанализу, неспособных к действию. В своих произведениях, наиболее известное из которых – рассказ «Флигельман», Номберг отразил душевный разлад и смя-

Херш Довид Номберг (1876–1927) – польско-еврейский писатель и публицист.

1 Перевод публикуемых отрывков выполнен по изданию: NOMBERG H.D. *Mayn rayze iber Rusland*. Warshe: Kultur-Liga, 1928. Z. 5–9; 15–24; 56–64; 72–79.

АРХИВ «НЗ»

тение молодого еврея, потерявшего веру. Номберг одним из первых внес в литературу на идиш мотивы одиночества, страха смерти и боязни пустоты.

После 1910 года Номберг почти полностью прекратил чисто литературную деятельность, переключившись на политику и публицистику. В 1916-м он стал одним из основателей Фолкс-партей², а в 1919–1920 годах был депутатом сейма от этой партии. Номберг был одним из активных сторонников идишизма³. Он принял участие в Черновицкой конференции⁴, в ходе которой им была составлена резолюция о признании идиш одним из национальных еврейских языков; этот документ способствовал установлению компромисса между идишистами и гебраистами.

В качестве журналиста газеты «Дер момент» («Момент»), одного из самых тиражных изданий на идиш того времени, Номберг ездил в палестинские земли, Аргентину, США и публиковал свои заметки об этих путешествиях. В 1926 году он отправился в поездку по Советскому Союзу, после чего была написана книга «Мое путешествие по России». Отрывки из нее и предлагаются далее.

В 1920–1930-х молодое советское государство интересовало многих писателей и общественных деятелей: достаточно вспомнить путевые заметки Лиона Фейхтвангера⁵, Герберта Уэллса⁶, Вальтера Беньямина⁷, Андре Жида⁸ и других. Но ключевое различие между их поездками в СССР и поездкой Номберга заключалось в том, что почти всех упомянутых выше писателей сопровождали советские представители, определявшие их программу, что (и кого) они увидят. То, что они впоследствии напишут в своих произведениях, было вопросом престижа Советского Союза за рубежом. Попадание случайных людей

- 2** Фолкспартей – название ряда еврейских политических партий в Восточной Европе, основанных на идеологии автономизма; существовали с 1906-го по 1939 год. Основателем и идеологом Фолкспартей в Российской империи был историк Шимон Дубнов, идеи которого подразумевали создание еврейской светской общинной организации, управляющейся на демократической основе, которая должна была стать основой еврейского национального существования в условиях автономии.
- 3** Идишизм – культурное и языковое движение за признание особого статуса языка идиш, зародившееся среди евреев в Восточной Европе во второй половине XIX века. Концепция идишизма основывалась на представлении о том, что следует сохранить и развивать национальную жизнь еврейства посредством создания современной культуры на идиш. Идишизм стал одной из важнейших альтернатив другой еврейской национальной идеологии – сионизма, который признавал в качестве единственного языка национальной культуры иврит.
- 4** Черновицкая конференция (1908) – первая международная непартийная конференция, посвященная статусу языка идиш в жизни еврейского народа. На конференции обсуждалось признание идиш национальным языком еврейского народа – а также вопросы идиш как литературного языка и развития на нем словесности, театра, прессы, создания словаря идиш и так далее.
- 5** ФЕЙХТВАНГЕР Л. *Москва, 1937*. М.: Гослитиздат, 1937.
- 6** Уэллс Г. *Россия во мгле*. М.: Прогресс, 1970.
- 7** Беньямин В. *Московский дневник*. М.: Ад Маргинем, 2012.
- 8** Жид А. *Возвращение из СССР // Жид А., Фейхтвангер Л. Два взгляда из-за рубежа. Возвращение из СССР. Москва 1937*. М.: Политиздат, 1990.

и случайных локаций было маловероятно, план поездки был продуман до мелочей, чтобы показать писателям страну с самой лучшей стороны. Номберг, конечно, не избежал общения с советскими властями (в то время контроль над интуристами был обязательным), однако он, как журналист еврейской газеты, не имеющий мирового имени, был по большей части свободен от присмотра свыше. Писатель, знавший русский язык, сам определял свой маршрут и имел возможность общаться с обычными людьми на улицах.

Важную роль в «Моем путешествии по России» занимает еврейская тема. Номберг – еврей, писавший для евреев на еврейском языке. Его интересует, какое положение евреи занимают в новом советском обществе, с какими проблемами они сталкиваются. Хотя Номберг не был социалистом, он во многом симпатизировал советскому строю, в частности, за то, что большевики объявили борьбу государственному антисемитизму в царской России. Внимание Номберга привлекает поддерживаемая в те годы государством культура на идиш: он ходит в еврейские театры, встречается с общественными деятелями. Однако к деятельности Евсекции⁹ он относился скептически.

Эта книга представляет интерес не только для тех, кто интересуется еврейской проблематикой. «Мое путешествие по России» – живой, непосредственный источник о ранних годах существования СССР, о повседневной жизни его граждан. Номберг – человек из другого мира, приехавший из Польши, с которой СССР не так давно до описываемых событий вел войну, – стремился впитать как можно больше впечатлений.

География поездки Номберга такова: он подробно описывает прохождение советско-польской границы и Белоруссию, на несколько дней задерживается в Москве и после едет в Украину смотреть крупные города и еврейские земледельческие колонии, создание которых он горячо поддерживал. Публикуемые главы – «Вместо предисловия», «На границе», «Мое прибытие в Москву» и «Как чувствует себя нэпман» – являются отрывками из разных частей книги.

Вскоре после возвращения из Советского Союза Номберг скончался в возрасте 51 года, на его похороны пришли десятки тысяч человек. Могила писателя расположена рядом с могилой его учителя, Ицхока-Лейбуша Переца, на еврейском кладбище в Варшаве. **[Ася Лейдерман]**

9 Евсекция – название еврейских коммунистических секций ВКП(б), созданных в советское время наряду с другими национальными секциями. Главной задачей этих национальных секций являлось распространение коммунистической идеологии и атеизма в среде национальных меньшинств (на их родном языке) и вовлечение в строительство социалистического общества. Одной из специфических целей Евсекции являлась борьба с Бундом и другими еврейскими социалистическими партиями, а также с сионизмом.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я буду описывать все по порядку, в хронологической последовательности, как я это видел и слышал. Получается, я веду дневник.

Я занимаюсь этим впервые в жизни. Я никогда не вел дневника раньше, и мне не нравилось, когда это делали другие, ибо не все дни одинаково интересны. Бывает, что человек просто привыкает записывать что-то каждый день, и тогда всякие глупости и мелочи становятся важными событиями.

Вести дневник – дурной тон: отдает безвкусицей.

И я хочу стать таким – безвкусным! Долой эстетику!

Я еду в Россию «исполнять свой долг». Не потому, что мне скучно живется на этом свете и я ищу впечатлений. Для этого существуют более теплые места, с удобствами получше, отелями поприличнее и нравами (несомненно, буржуазными!) по благороднее. Я еду смотреть. Думаю, мне придется немало помучиться – но разве я недостаточно нагрешил, чтобы заработать такое испытание? Думаю, в тех краях никто не протянет мне навстречу дружеской руки. Там и своих-то отчитывали, словно провинившихся детей; а что уж говорить про меня, чужака?

Но все же Россия! Россия! Бог свидетель, я тебя увижу, я тебя пойму.

Да, это страна стоит нараспашку, распростершись вширь и вдаль, и она полна тайн. Россия стала такой не за то короткое время, что прошло с революции, но задолго до этого. Она всегда казалась мне такой; таков был дух ее жителей, запечатленный в восхитительной литературе, в которой небо и земля, реализм и мистицизм, смешались в единое целое. Обратите внимание, когда русский писатель описывает, как мычит корова, пока ее ведут ночью в стойло, создается впечатление, что в этой корове сокрыта великая тайна мироздания, загадка жизни и смерти.

О современной России, Советском Союзе, мы знаем все и ничего. У нее есть друзья и враги, горячие сторонники и убежденные противники. Все, что можно прочесть о России, отдает агитацией. Но моя проклятая натура назло противится тому, за что меня агитируют. Все злые антибольшевистские статьи лишь убеждали меня в правоте большевиков; все статьи, которые агитировали за большевиков, резко отвращали меня от них...

По этой причине мы не будем агитировать ни за ни против. «Не делай другому того, чего не желаешь себе». Если меня спросят начистоту, поддерживаю ли я Советский Союз, то я не знаю, что и ответить. Я жажду посмотреть.

Я позволю событиям проплывать перед моими глазами, словно в кино. Полагаю, что в стране, которая пережила такие перемены, такие потрясения, в стране, которая замахнулась на мировой порядок, *все*, вплоть до малейшей детали, должно быть интересно.

ХЕРШ НОМБЕРГ
МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО РОССИИ

О современной России, Советском Союзе, мы знаем все и ничего. У нее есть друзья и враги, горячие сторонники и убежденные противники. Все, что можно прочесть о России, отдает агитацией.

Не уверен, что все в этой книге будет достойным внимания, тогда придется прекратить формат дневника. Но в таком случае это будет моя вина, а не вина России.

НА ГРАНИЦЕ

Был уже поздний вечер, часов одиннадцать, когда мы вылезли из поезда на станции «Негорелое»¹⁰. Мы переступили порог новой страны, нового государства. Мы пересекли границу.

Железная стена вокруг советской России похожа на Великую китайскую стену, окружавшую далекую и бескрайнюю страну рисовых полей, императоров и мандаринов. И хотя стену вокруг Советского Союза нельзя увидеть или потрогать, она ощущается гораздо отчетливей, чем если бы была построена из камня. Хотя сейчас Россия и не в блокаде, фактически она отделена от остального мира. Отчасти по собственному желанию: впускают в Россию с трудом, получить въездную визу – дело не из простых, да и выпускают тоже неохотно. К тому же соседние государства стараются свести транспортное сообщение с Россией к минимуму. Страна находится в изоляции.

Контрабанда – идеи и суждения – провозится из других стран в головах. Пограничники не могут с этим ничего сделать. Так что лучше, чтобы как можно меньше голов проникало из одной страны в другую.

Как только вы пересекаете границы, то сразу чувствуете себя не просто в другой стране, но в другом мире. Сердце говорит вам, что здесь все по-другому и смотреть на это придется под иным углом – совсем иным.

10 Граница между Польшей и Советской Россией, проходившая недалеко от станции «Негорелое», была установлена 1 апреля 1921 года и действовала до 1939-го. В мае 1929-го в «Негорелом» состоялась встреча Янки Купалы и Максима Горького. Станция была нанесена на все географические карты, очень часто упоминалась в печати. Отсюда начиналось путешествие в страны Европы – и из Европы в СССР. В то время ходили поезда «Негорелое – Владивосток» и «Париж – Негорелое». На станции действовал валютный универмаг Торгсина.

Но так ли уж все по-другому? Действительно ли революция и диктатура перевернули жизнь с ног на голову? Правда ли у людей изменился ход мыслей, привычки, восприятие жизни или же новый порядок установился лишь поверхностно, навязывая свою волю и таща за собой людей против их желания?

Но не будем забегать вперед. Эти и другие вопросы волнуют меня и, возможно, миллионы других людей, которые хотят знать, как здесь идут дела и как далеко они зайдут.

Тем временем стоит осенняя ночь, наполненная дрожью и мокрым ветром. Станция едва освещается. Мы перелезаем через рельсы (не самое удобное занятие) и входим в сколоченное из деревянных досок здание, которое скорее напоминает барак. Вокруг все сырое, временное, беззащитное: голые неотесанные доски с единственным украшением – портретами Ленина, Сталина, Рыкова и остальных (портретов Троцкого и Зиновьева я не заметил; они теперь в «оппозиции»¹¹ и потому преданы анафеме). Портреты, отпечатанные черной краской на обычной белой бумаге, местами закоптились. Нынешние правители России – простые, бедные люди, и портреты им под стать, не то что у прошлого царя... Носильщики вносят нашу поклажу, и мы выстраиваемся по кругу. В центре стоят служащие, которые должны досмотреть наши вещи и пропустить нас дальше. Здесь как минимум человек 12–15, служащих почти столько же, сколько и пассажиров. Большинство из них в гражданском, без «формы», кожаной куртки, ботинок и фуражки. Среди них девушка еврейской наружности. В глаза бросается револьвер, висящий у нее на боку. Мужчины носят его где-то в кармане, ее же «собачка» (таким словом величали здесь револьвер) выставлена, как на параде. Люди здесь ходят с оружием. На границе все же весьма опасно, и по эту и по ту ее сторону, в Столбцах, происходят нападения «диверсионных банд». Творятся страшные вещи. Дерутся тут, дерутся там! В последнее время спокойно. Внезапные нападения с убийствами и грабежами, случавшиеся ранее, сейчас прекратились и на русской, и на польской стороне. Но обе стороны находятся в постоянной боевой готовности. Девушке с револьвером, вероятно, поручено проводить полный досмотр женщин, когда нужно полностью раздеться и дать обыскать себя с головы до пят. Но пока что она выполняет привычные обязанности пограничницы, роется в вещах пассажиров, медленно, не спеша, потому что обыск – здесь дело серьезное.

Кто она и откуда? Кажется, она не из рабочих. Слишком уж аккуратные у нее руки. «Белоручка», – как говорят по-русски. Из-под напускной строгости проглядывает «барышня». Веро-

11 Здесь и далее написанное в кавычках представляет собой транскрипцию русских слов. – *Примеч. ред.*

ятно, она член партии и имеет, боюсь предположить, буржуазное происхождение.

Мне довелось иметь дело с ней. Это произошло после того, как трое пограничников посылали меня от одного к другому. И после того, как товарищ Захар Осипович осмотрел мой багаж и сравнил со списком, который находился в его старческих руках, дрожащих от слабости.

Этот самый Захар Осипович причудливо запечатлелся в моей памяти вместе с темной ночью и переходом границы. Человек в возрасте, с острой седой загнутой бороденкой, с перекошенными плечами, в очках, он походил на человека из совсем другого мира. Все пограничники добродушно его подбадривали, указывая, что ему нужно делать, а делать ему было, судя по всему, нечего. У Захара Осиповича был широкий морщинистый лоб, который когда-то, должно быть, занимали важные вопросы. Я думаю, что и сейчас он лучше смотрелся бы за толкованием сложного отрывка «Капитала» Карла Маркса, чем здесь, в бараке, посреди ночи. В любом случае сейчас ему было бы лучше где-то передохнуть. Уже давно за полночь, и он выглядит разбитым.

– Захар Осипович, пожалуйста... – зовут его, и он нехотя идет, окидывая вас взглядом человека, мысли которого блуждают где-то на страницах глубокомысленной книги, а не находят-ся здесь с вами. Любитель почитать, он выглядит так, будто он живет в нужде и его вызвали сюда, чтобы дать подзаработать.

Сперва мне показалось, что бюрократическая машина работает плохо, слишком много в ней заржавелых винтиков. Захар Осипович мог бы идти спать, он был ненужным элементом.

Но совершенно иное впечатление производит товарищ Палин – единственный из всех в полном воинском обмундировании, в форме и с кортиком на боку. Мужчина в расцвете сил, с глазами, полными жизни и энергии. Он ходит туда-сюда, наблюдая за всеми. Видимо, он политический надзиратель станции. Досмотр, как я уже сказал, здесь серьезный. Книжки, которые вы везете с собой, как и любой другой печатный листок бумаги, откладываются в сторону. В конце они поступают на проверку человеку с кортиком – товарищу Палину. Моя книжная полка оказалась совсем небольшой, две-три книги, среди которых была немецкая книжка по экономике. Товарищ Палин открыл ее, и я почувствовал, что вырос в его глазах. На оставшиеся две книги он смотреть не стал и вернул их обратно пограничнику.

Хотите знать, чем я снискал благосклонность в его глазах?

А вот чем: в России интеллект человека определяется тем, насколько он разбирается в вопросах экономики. Это первое, самое значимое и единственное объяснение, которое можно

привести. Чем дольше я был в Советском Союзе, тем больше в этом убеждался. Люди здесь блистательно ориентируются в запутанных экономических вопросах – финансовая политика, торговый и платежный баланс, цены на промышленные и сельскохозяйственные товары и так далее... Человек с малейшей претензией на образованность прекрасно разбирается во всех подобных темах. Изучение экономики начинается в первом классе народной (трудовой) школы и продолжается во всех партийных школах и подразделениях. Должен сказать, что образование в области экономики, несмотря на свою однобокость, здесь весьма основательное и оно не настолько заангажировано, как известия о политической, культурной и общественной жизни за границей, которые доносит народу через газеты агитационная машина. Народ получает искаженную картину того, что происходит за рубежом; Россия видит остальной мир через кривое зеркало.

Благосклонность, которую я снискал в глазах товарища Палина, связанная с тем, что он увидел во мне образованного человека, читающего труды по экономике в оригинале, передалась и девушке с револьвером, в чьем ведении я находился. Теперь досмотр моих вещей продвигался куда быстрее. Мне даже вернули фотоаппарат, который изъяли вначале. Она смягчилась по отношению ко мне, и – готов поклясться – на ее лице промелькнула простая человеческая улыбка.

– Вы, товарищ, который раз в командировке? – спрашивает она меня. Она подумала, что я советский служащий, которого послали в командировку.

– Прошу прощения, я... гражданин Польши.

– Ах, вот как...

На этот раз она снова улыбнулась, но ее улыбка была уже совсем другого рода.

«Так значит, вы из тех, из панов» как бы говорила эта улыбка.

Польшу в Советском Союзе более чем не любят. Бог знает, кто виноват в том, что разгорелась эта вражда. Даже Англия, с которой Советская Россия находится в открытом затяжном конфликте, правительство которой является общепризнанным врагом советского государства – даже Англия не идет ни в какое сравнение с Польшей в этом вопросе.

Таким образом, пограничная система досмотра работала без остановки часа полтора, все были чем-то заняты, и все были очень строги, хотя и вежливы. Явно чувствовалось, что здесь не хватает умелой руки деятельного организатора. Два–три немца или американца, думаю, смогли бы обеспечить такую же тщательную работу намного быстрее, чем эта громоздкая система.

Ибо каждый здесь не просто исполняет свои рабочие обязанности – он строит Россию, строит социализм. Это очень

характерная черта. Каждый, кто кладет кирпичик, думает о здании целиком. Это очень благородно и с эстетической точки зрения даже красиво, но совсем не практично. У того, кто укладывает кирпичи, должна быть только одна задача: сделать это как можно аккуратнее и точнее. Все остальное – забота архитектора.

ХЕРШ НОМБЕРГ
МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО РОССИИ

Каждый здесь не просто исполняет свои рабочие обязанности – он строит Россию, строит социализм. Каждый, кто кладет кирпичик, думает о здании целиком. Это очень благородно и с эстетической точки зрения даже красиво, но совсем не практично.

В целом бюрократия в Советском Союзе представляет собой определенную проблему, и «оппозиция» выдвинула борьбу с ней в качестве лозунга.

Я совсем замерз и перепрыгивал с ноги на ногу. Вошел один из носильщиков и крикнул своим чистым и торжественным голосом:

– Товарищи! Багажный вагон готов, давайте грузить!

Мне вспомнился старый русский «носильщик», который ходил перед пассажиром-барином на полусогнутых, и я сравнил его с нынешним свободным советским человеком. Свободный человек?.. Есть в этих словах немного преувеличения и немного преуменьшения. Потому что пролетарий, будь то носильщик или рабочий на фабрике, (как здесь принято говорить) – хозяин на своей земле, обладающий властью, он привилегированный.

– Товарищи, давайте грузить!.. – это прозвучало так, будто он занимается не обычной работой, погрузкой вещей буржуев, но строительством России, строительством социализма.

Однако было слишком много людей, хватило бы и трети.

Хозяин земли, должен я вам сказать, вполне неплохо зарабатывал на переноске вещей, получая за это чаевые (которые он даже требовал!), хоть это и не было разрешено. Хозяева земли очень даже любили, когда им оставляли на чай. Но их выправка, язык и обхождение оставляли желать лучшего.

Человек из народа совершил огромный прыжок вперед.

Каждый человек, который попадался мне на глаза, невольно наводил меня на размышления: доволен ли он новой властью или, наоборот, скучает по старым временам? Выиграл ли он что-то или же проиграл? Режим управляет им или он сам и есть режим? Для меня это не вопросы политического характера, смысл которых в том, чтобы оценить перспективы социальной революции, а вопросы психологические, чисто человеческие.

Мне безумно любопытно. Но мое любопытство мало чем может помочь. Люди здесь, кажется, говорят не то, что чувствуют. А возможно, они и вовсе перестали чувствовать, то есть чувства больше не играют для них никакой роли и только дела, поступки, конкретные действия имеют какое-то значение.

Но, пока я слушал победоносный крик носильщика «Багажный вагон готов, товарищи, пойдёте грузить!», мне казалось, что человек еще не потерян.

Потому что – а что ему было терять?

МОЕ ПРИБЫТИЕ В МОСКВУ

Серым осенним днем, в три часа дня я прибыл в Москву: серый вокзал, серые люди. Не такой я представлял тебя в своих фантазиях, Москва!

В нашем воображении создается особый образ людей и городов, которых мы не видели вживую, но о которых много слышали. Москву, где я оказался в первый раз, я представлял бело-снежной, светлой, широко улыбающейся, где большие лошади ржут с высоко поднятыми головами и чернородые кучера ходят в красных поясах. Москва и серость – как это возможно?

Мне пришлось прождать на вокзале три четверти часа. Опять какая-то проблема с доставкой багажа. Его забросили к почтовым посылкам. Когда их разберут, я получу свой багаж. А пока носильщик уходит и оставляет меня с ручной кладью. Он предупреждает, чтобы я был внимателен и смотрел в оба, потому что повсюду снуют шайки воров и я должен быть настороже.

И вот, охранник собственных вещей, я стою в углу, словно солдат на посту, и смотрю по сторонам. Кто здесь вор? Все одинаковые: серые люди, серая одежда, серые, ничего не выражающие взгляды. Россия американизируется. Вы не ослышались. Для всех создается единая униформа: одна одежда для всех, одно лицо для всех, один взгляд для всех и одна идея для всех. И униформа серая... и внутри и снаружи.

Что касается внешнего вида людей, то серость их очевидна. Солдат, крестьянин, горожанин и так далее. Ботинки, разумеется, сереют от слякоти, и только кожаная куртка временами поблескивает своим черным отливом, да на улице у милиционера где-то высоко, над серостью его головного убора, остался кусок красной ткани. Вы разглядите его, только если посмотрите сверху из окна...

Что касается внутреннего мира, человеческой психики, то и он серый. Это только моя оценка, мое отношение, отношение пропадающего индивидуалиста, влюбленного в многообразие че-

ловеческих мыслей и чувств. Как сказал старина Гёте? «Сера, мой друг, теория везде»¹². Россия – все еще теоретическое государство.

И вот, пристыженный, стою я в углу со своей европейской поклажей, в шубе, с итальянской шляпой фирмы «Борсалино» на голове. По правде говоря, не знаю, что бы я отдал в ту минуту, чтобы тоже стать частью этой серости: ботинки, серое пальто и каскетка на голове.

Потом из серости выделяется один, второй, третий и подходят ко мне слишком близко. Один островок серости не говорит ни слова и молча проходит мимо, осмотрев меня, мою шубу, шляпу и мою европейскость, которая лежит рядом со мной. Второй спрашивает, издалека ли я приехал. Я говорю: издалека – из Америки. Мой инстинкт подсказывает мне, что разумнее быть из Америки, чем из Польши, хотя мы, поляки, уже признали Советский Союз, а Америка не хочет... Люди в России высокого мнения об Америке. (В каком-то городе или деревне на юге России еврейский парень долго расхваливал при мне Америку, потому что там все пьют чай с лимоном.) О Европе нечего и говорить. Она прогнила. Европейские страны лежат, словно полудохлая кошка. С Америкой соревнуются. Статьи про Форда и фордизм вы найдете в любой газете.

Разумеется, я не могу пускаться в долгие рассуждения с тем, кто меня спрашивает, поскольку я стою и охраняю свои вещи. Короче говоря: я приехал по делам.

Третий, который уже не был частью той серости, поскольку он был в кожаной куртке и имел живой проворной взгляд, предлагает подвезти меня в отель на своем авто. «У меня до сих пор нет багажа», – говорю я. Но это не важно – он подождет.

За короткую беседу и 20 минут ожидания я заплатил потом несколько долларов (водители – люди одного сорта во всех странах).

Я обиделся на самого себя, что прибыл в Москву в таком подавленном настроении. Разве так нужно смотреть новую страну, новый мировой порядок? Но здесь холодно и сыро. Стоит осенняя погода, я не выспался, и на душе у меня серо... Я стою возле телефонной будки и подслушиваю глупые разговоры (русские любят разговаривать громко), и представьте, что серость вокзала плотно меня окружила, да так, что мне передалось ее настроение: вот выбежала дама (вы не ослышались – дама) в шляпе и чулках телесного цвета, быстро вошла в телефонную будку и стремительно хлопнула дверцей – она со своими прозрачными чулками мне не понравилась. Чем же, скажите мне, плоха серость? И зачем женщинам нужны корот-

12 Цитата из трагедии «Фауст», приводится в переводе Валерия Брюсова.

кие платья, элегантная обувь и чулки телесного цвета? Женщины в России одеваются, чтобы прикрыть тело, а на волосы повязывают ситцевую косынку.

Когда она вышла из будки, я отвернулся, чтобы не встретиться с ней взглядом. Этим я думал показать (себе самому), что я ей не ровня, что я не ее общество...

Все одинаковые: серые люди, серая одежда, серые, ничего не выражающие взгляды. Россия американизируется. Для всех создается единая униформа: одна одежда для всех, одно лицо для всех, один взгляд для всех и одна идея для всех.

Серость как серость. У меня еще будет возможность посмотреть Москву другими глазами, не как сейчас. Ту Москву, где есть Кремль и Красная площадь, Москву золотую и царственную, единственную и неповторимую, которая не сравнится ни с одним городом в мире... Где-то из серости показались маленькие создания человеческого происхождения, но это были уже не просто дети – группы беспризорников по два–три человека. [...]

От них пытаются избавиться. Для них было сделано все возможное. Специальные дома, специальные педагоги и даже специальные законы. Об этом пишут целые книги... Московские улицы от них не очистить.

Думаю, в моем дальнейшем повествовании мне еще доведется остановиться на этих социальных язвах, выросших на теле России во время войны, революции и беспорядков гражданской войны. Отдельных представителей этой армии, ее форпосты, я встречал в Минске и видел из вагона на станциях. Здесь, на вокзале в Москве, я впервые столкнулся с ними в их «доме» во время моего неуютного ожидания.

Они всегда ходят группами, вы редко встретите их поодиночке. Вся их одежда – дырявые лохмотья, которые беспризорник придерживает спереди одной рукой, когда ему холодно, или повязывает вокруг обычный шнурок. Из-под лохмотьев выглядывают куски его, этого создания, голого тела. Как будто им стыдно ходить в целой одежде. Но куски кожи, которые вам видны, выглядят, как исписанный пергамент или желтая восковая клеенка. Человеческая кожа не выглядит так, потому что это создание годами не мылось – принципиально! Потому что они установили свои порядки, и предатель – тот, кто пойдет против собственной беспризорности, против грязи. Носить рубашку – самое большое предательство! Ноги пере-

вязаны кусками ткани, на одной ноге может быть гамаша, на другой – калоша. Все, что на нем надето, должно быть найдено на помойке и годится туда же, потому что все, что имеет хоть какую-то цену, он продает – принципиально!

Ну, и запах от этих созданий! Вы свернете за два аршина, почуяв такую компанию. У большинства из них изогнутые брови, загноившиеся губы, маленькие глаза и тупой, резкий взгляд... Обычно беспризорник пугающе практичен, говорит коротко, по существу: «Дядя, дай копейку» – и оглядывает вас холодно, снежно.

Давай ему копейку, если он попросил, да побыстрее. А если не дадите, то вторая его короткая фраза будет:

– Дай копейку, а нет – буду кусаться!

А укус такого ребенка – это почти что укус ядовитой змеи, потому что 90% из них заражены ужасными болезнями. Беспризорник об этом знает и пользуется этим. Каждое создание выработало свое оружие в борьбе за выживание. И оружие беспризорника – это бактерии в его крови.

Они сидели втроем на полу в углу и играли в карты. Основательно и спокойно, мир вокруг их не беспокоит. Если им что-то нужно, они выключивают это у окружающих или отнимают силой и убегают. Погонишься за такими – а что ты им сделаешь? После того, как такой до чего-то дотронется, человек побрезгует это есть. Это уже его. Когда беспризорник присвоил что-то из окружающего мира, то вскоре о нем забывает, он его больше не интересуется. Ему не нужен дом, кровать, крыша над головой – он сам мусор и ночует среди мусора. На помойках, где они роются и спят вповалку по 10–15 человек, чтобы насладиться теплом тел друг друга.

Подошел милиционер и приказал им встать. Они едва на него взглянули и спокойно продолжили играть. Они не смеялись над ним и не противились ему – он просто их не интересовал, не существовал для них.

Они не боятся не потому, что смелые. О них с трудом можно сказать, смелые они или трусы: они никак не соотносятся с понятиями человеческой психики. У них нет страха. Потому что то, что пугает обычного человека, их не пугает. К тому же милиционеру строго запрещено их бить. Педагоги по-хорошему пытаются затащить их в дома для беспризорников («приемники») [...] Иногда зимой, в сильные морозы, это получается... Они живут там несколько дней и убегают...

Мне было смешно и грустно, когда один такой беспризорник подошел ко мне с открытой кружкой для пожертвований и принялся громко стучать несколькими монетами, что были внутри. Я был уверен, что он собирает милостыню, мне стало любопытно, и я спросил:

– Для кого?

– Для меня, – ответил он сухо и деловито. Разумеется, я не был бессердечным и кинул монетку.

Он ушел так же холодно, как пришел, не поблагодарив.

* * *

Первый! Мой первый приезд в Москву точно выпал на неудачное время, и мораль этой истории в том, что в Москву надо приезжать выспавшимся. И, бога ради, не тащите с собой много багажа, потому что вам придется заниматься его транспортировкой и вы, как и я, будете ждать три четверти часа. Потому что, если первое впечатление самое сильное, жаль, если вам придется получить его на Белорусском вокзале (ранее Варшавском) серым осенним днем посреди серых людей рядом с беспризорниками. В Москве точно найдутся куда более интересные места.

Но доставка моего багажа задержала меня на три четверти часа. И я, пристыженный, стоял в углу, пряча свои вещи: человек – всего лишь человек.

КАК ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ НЭПМАН

Россия американизируется. Я не первый путешественник, который это замечает. Это бросается в глаза любому наблюдателю, в этом не может быть никакого сомнения, а в Москве это ощущается еще сильнее, чем где бы то ни было.

Американизация прежде всего чувствуется во внешнем облике людей, в том, что они стали похожи друг на друга. Различия между людьми исчезли, все одеты одинаково, и никто не смотрит сверху вниз и снизу вверх. Да и вообще на других теперь не смотрят, не пытаются прочесть что-то по глазам, как это привыкли делать в Европе. Там, где между строк еще «что-то» ищут, скрытые значения слов, сентиментальность – это наследие старых поколений по-прежнему велико и за человеческой физиологией все еще ищут «душу».

А еще почти все люди живут в одних и тех же условиях, едят одну и ту же еду, и почти все живут в одинаковой тесноте. На каждого отмерено определенное число квадратных метров воздуха. Бесспорно, в Москве можно увидеть нэпманов, богатых людей! Но никому совсем не интересно выставлять свой достаток напоказ. Богатые люди в России не счастливы. Они могут получить все, что можно достать за деньги, кроме одного – спокойствия, безопасности.

Ой, как они жалуются, эти нэпманы!

– Проблема в том, – говорит мне один такой, – что непонятно, что можно делать, а что нет...

Сегодня он сидит здесь при деньгах, а завтра все его состояние могут конфисковать, а его самого в придачу сослать в Сибирь за какой-нибудь грешок или преступление – здесь собака и зарыта. Поди знай, чего делать нельзя, потому что, в конечном счете, нельзя *ничего*.

Возможно, в товарном обмене, в этих крутящихся шестеренках, частная торговля имеет больший вес, чем показывает официальная статистика (около 25%). Но сам класс предпринимателей заметной роли не играет, их не видно.

Кроме того, неправильно, когда женщины одеваются по-богато. И это уже совершенно не по-американски. Богато наряженные дамы – редкость даже для театров, куда обычно приходят показать свои туалеты. Вы не увидите сверкающих бриллиантов. Хотя есть и бриллианты, и дорогие наряды, проблема в том, куда их носить. У фининспекции и ГПУ глаза повсюду. Кто-кто, а богатая женщина, жена нэпмана, точно не позволит себе блистать нарядами в театре или на концерте. Это делают тихо, «конспиративно».

В Москве можно увидеть нэпманов, богатых людей! Но никому совсем не интересно выставлять свой достаток напоказ. Богатые люди в России не счастливы. Они могут получить все, что можно достать за деньги, кроме одного – спокойствия, безопасности.

В Москве сейчас устраивают «семейные балы». На таком балу в трех-четырёх тесных комнатах (это очень богатая квартира, почти что магнатская) собираются десять-пятнадцать знакомых между собой богачей, и там они щеголяют всеми своими утаенными сокровищами. Туда приходят в дорогом шелке, который в России стоит примерно в восемь раз дороже, чем у нас, демонстрируя припрятанные драгоценные бриллианты. Так люди «выгуливаются», а точнее выгуливают свои туалеты и бриллианты перед десятью-пятнадцатью парами глаз. И то наслаждение!

Не за что завидовать нэпманам в России. Я еду с одним из них в машине, и он говорит шоферу, чтобы тот выключил свет внутри. Вдруг пройдет мимо какой-нибудь незнакомец и увидит, что он едет в машине – и, конечно, как раз тот незнакомец, которому не нужно знать, что он может позволить себе ездить на автомобиле. Этот еврей руководит фабрикой, в его подчи-

нении несколько сотен работников, и, вероятно, ему очень тяжело достаются деньги.

В конце концов, втолковывает он мне, он решил, что если его прижмут, то он займется сельским хозяйством и станет крестьянином. Должно же это закончиться! Он из богатой семьи и совсем не привык к тяжелой работе, говорит он, но если все могут, то и он сможет. Этот капиталист [...] не верит, что жестокость большевистской системы со временем ослабнет. Ему не нужны утешения. Наоборот, думает он, режим будет держаться, как именно – он не знает. Но он будет держаться. Нет сил, способных его сломить. Со своими работниками он объясняется самым простым способом. Если пьяный работник в порыве чувств назовет его «жидовской мордой», он ответит по-русски: «А ты русский хам». Это, думает он, он может себе позволить. Большевизм гарантирует ему подобное равенство в правах. Но что ему можно, а что нельзя как нэпману? Когда бы он это знал... Но он не знает этого и потому постоянно нервничает, забывая побриться. Нарымский район не самая заманчивая перспектива.

Вот какие претензии у него к большевикам: он человек образованный, и ему нравится философствовать. Вначале мне казалось, рассказывает он, что с нами обходятся, как с ребенком, которого хотят отучить от груди. Моя мама для этого насыпала на грудь перец. Ребенку хотелось к ней присосаться, у него начинало гореть во рту, и он отпускал грудь. Если ему хотелось снова, то ситуация повторялась. И так до тех пор, пока ребенку не перестанет хотеться. С нами, нэпманами, поигрались так же. Можно было подумать, что смысл в том, чтобы мы полностью отучились, что и весь НЭП должен исчезнуть. Но проблема в том, что это тоже не известно...

В общем, он не может понять этого своим умом – а он убежденный рационалист и любит докапываться до истины.

Это одна проблема, назовем ее проблемой философов, которые страстно хотят проникнуть в суть дела.

Но есть еще одна проблема: беда на голову, которая может быть только у нэпмана и ни у кого другого.

Речь идет о молодой дочке, красивой, порядочной, послушной и все в том же духе. Он устроил ее на должность. Она зарабатывает 80 рублей в месяц... Нужно ли ей это?... А что потом?... Так лучше. Получить профсоюзный билет – совсем не мелочь для дочери нэпмана... Член профсоюза – это полный человек...

Девушке всего 19 лет, и он хочет выдать ее замуж. Молодежь в России сейчас такая, что позволяет себе все, ни у кого не спрашивая. Не играет роли ни свадьба, ни развод, ни рождение детей. Никто не будет за это порицать. Правда, его де-

вочка – исключение, он за нее ручается. Она хорошая дочь, и он ищет для нее жениха.

Он хочет, чтобы ее жених был коммунистом – никем другим, только коммунистом. Почему им? Потому что если член профсоюза – это полноправный человек, то член коммунистической партии – это человек в полном смысле слова. Людей в России по социальному положению можно разделить на следующие категории: а) коммунист б) рабочий, член профсоюза, в) крестьянин, г) ремесленник (кустарь), д) человек без определенной работы, е) нэпман.

Само собой разумеется, что нэпман, человек из последней категории, имеет амбицию поднять свой статус до наивысшего. Человеческая природа не меняется. Лишь в Древней Индии четырем кастам было запрещено перемещаться по ступеням социальной лестницы – только, кто знает, соблюдалось ли это тогда!

Он хочет, чтобы дочь вышла замуж за коммуниста, и у него даже есть один на примете, но здесь возникает проблема, которая не дает ему спать ночами.

Хорошо, купит он ему (то есть ей) квартиру, обставит. Он поживет там месяца два–три, найдет другую, сообщит на службу – и готово! И как это понимать? Это стоило ему, нэпману, нескольких тысяч рублей. Но это не имеет никакого значения. В этом я могу ему поверить (и я ему верю) – но почему он должен вот так взять и отдать какому-то человеку юную, цветущую, нетронутую красоту? Вот что терзает его сердце!

Он молодец, этот коммунист – молодой, красивый, энергичный, порядочный, идейный. Но, если он через несколько месяцев встретит другую красивую девушку и влюбится в нее, кто помешает ему разойтись с его дочкой и жениться на другой? Никто не будет ему в этом препятствовать, и никто этим не прекнет. Даже его собственная совесть: он влюбился в девушку, пожил с ней, разлюбил и влюбился в другую – так теперь он живет с другой. Максимум, если она родит ребенка, он будет платить ей «алименты», треть своей пенсии.

Новые русские законы выработали в области половой жизни самые свободные нормы. Подходят ли эти нормы к теперешней смешанной, полукапиталистической, полусоциалистической системе в России, ответа пока нет. Вопрос в том, отражают ли законы в этой сфере чувства людей.

Но в России тяжело найти общественную мораль. Есть только одна общественность – коммунистическая.

* * *

Но я немного перескочил с темы. Характеристика нэпмана имела целью показать его ничтожность, его забитость, и то, что на авансцене жизни он не показывается. Нэпман не участвует в общем течении жизни, он не оставляет сколь бы то ни было значимого следа не только в сфере политики или управления, но и на поверхностном облике жизни.

Ну, если вы уберете бывшего пузатого капиталиста, офицера в белых перчатках, важного чиновника, студента в форме, богатую даму и «барышню», у вас получится единая усредненная масса – все равны, но, правда, на основании своей бедности. Не сравнить с Америкой, но все же страна становится на нее похожей.

Перевод с идиш, введение и комментарии Аси Лейдерман